

Тотчас же вернулся со службы Тайши Цинь и, услышав, что сын снова устроил балаган, с мрачным лицом вошел в комнату.

Увидев жалкий, изможденный вид Цинь Хуаня и его дурной цвет лица, он и вовсе рассвирепел.

— Хм!

Тайши Цинь холодно усмехнулся, взмахнул рукавом и уселся за стол.

— По-моему, он целыми днями предавался вину и женщинам, совсем подорвал здоровье, а теперь просто настало время возмездия. Усердная мать губит детей, и если бы ты не потакала ему во всем изо дня в день, разве докатился бы он до такого?

Госпожа Цинь, услышав это, почувствовала одновременно обиду и злость:

— Отец семейства! Как у вас язык поворачивается говорить такое? Хуань-эр сейчас болен! Вы разве не видели, как сильно его рвет, он ничего не ест, не может спокойно спать, совсем исхудал! Вам его даже не жаль, как вы можете произносить подобные слова!

— Болен? Да он сам накликал на себя беду! — гнев Тайши Циня еще не утих. — Какой порядочный юноша ведет себя так, как он? Целыми днями только и знает, что якшаться с продажными девками да маяться дурью! В каком он нынче непотребном виде — если об этом станет известно, весь позор рода Цинь ляжет на него!

— Муж мой! Каким бы плохим Хуань-эр ни был, он же ваша плоть и кровь! — со слезами в голосе запротестовала госпожа Цинь. — Неужели вы не можете помолчать? Ему сейчас нужен полный покой!

— Покой? Да он просто отучился от дисциплины! — хоть Тайши Цинь и говорил жестко, но, глядя на действительно скверный цвет лица сына, несколько смягчил тон. — Ладно, позовите другого лекаря, пусть осмотрит. Если и на этот раз не станет лучше, отправляйте его на загородную виллу долечиваться, чтобы не устраивал беспорядков в резиденции и не мозолил глаза.

Лежавший на кровати Цинь Хуань слушал перебранку родителей из-за него, и тупая боль в груди казалась еще отчетливее. В сердце же поднималось невыразимое раздражение и обида.

Он резким движением натянул одеяло с головой, желая больше ничего не слышать.

Госпожа Цинь при виде этого опечалилась еще сильнее. Бросив на Тайши Циня укоризненный взгляд, она мягко принялась успокаивать Цинь Хуаня:

— Хуань-эр, послушный мой, не злись. Мама сейчас же снова сходит за хорошим лекарем для тебя, она непременно исцелит твой этот странный недуг...

Заперев Цинь Хуаня в резиденции с помощью младенческого духа, чтобы у того не было возможности выйти на улицу и творить зло, Линь Шуан со спокойной совестью погрузилась в беззаботное состояние ежедневного сна.

С того дня, как Хун Сюин необъяснимо почувствовала прилив бодрости и ясность в мыслях, ей стало казаться, будто кто-то исподволь добавил в ее дни немного света, так что даже неизбывная легкая грусть в уголках глаз и на бровях немного рассеялась.

Она жила в небольшом дворике на восточной окраине деревни Янь: серые черепичные крыши, белые стены, а в углу двора изящно и разреженно жались друг к другу несколько стеблей изумрудного бамбука.

Хотя жилище было простым, под ее заботливой рукой оно становилось все более чистым и аккуратным, источая редкостную для обычного крестьянского двора собранность и изящество.

Больше всего ее успокаивало то, что ребенок под сердцем вел себя на редкость послушно и ласково: он никогда не буянил зря, а лишь изредка легко шевелился, когда она сидела в тишине отдыхая или погружалась в ночной сон. В этом чувствовалась такая абсолютная доверчивая близость, что ее сердце размягчалось вновь и вновь, словно она обрела новую опору в жизни.

Несколько дней назад завершились похороны мужа, и хотя горе все еще гнездилось на дне души, жить было надо дальше.

Она тщательно все подсчитала: дома оставались кое-какие сбережения, в закромах — немного зерна, так что до появления ребенка на свет должно хватить с избытком. Староста и сородичи из чувства вины пока относились к ней заботливо, нравы в деревне царили праведные, и опасаться того, что кто-то посмеет обидеть ее, одинокую вдову, пока не приходилось.

Супруг ушел, но сама она должна была жить дальше.

Как только решение было принято, руки стали еще проворнее. Она заново распланировала тот небольшой прежде заброшенный клочок земли под огород во дворе, тщательно взрыхлила мотыгой почву и сформировала аккуратные грядки. Брошенные в землю семена уже через несколько дней дали нежно-зеленые ростки.

Каждое утро она брала деревянное ведро и осторожно поливала их, а глядя, как капли воды под утренними лучами катятся по изумрудным листьям и впитываются в плодородную почву, чувствовала на душе покой.

То ли ухаживала она с особым усердием, то ли по какой-то иной причине, но овощи и лук на грядках уродились на редкость сочными, зелеными и нежными, радуя глаз.

У каменной ограды посаженные в прошлые годы плетистые розы и китайские розарии живописно переплетались между собой, и в последние дни, казалось, приложили все силы: бутоны один за другим наливались соком, добавляя этому скромному дворику ожидания скорого цветения и жизненной силы.

Закончив с этим и полив двор, слегка увлажнив землю, она взяла прислоненную к стене метлу и неспешно принялась подметать.

Шуршание метлы по земле, смешиваясь с тихим шелестом бамбуковых листьев и неуловимым ароматом цветов, создавало ощущение полной безмятежности.

Теплое солнце ласково освещало ее фигуру, нежно согревая и ее слегка выступающий животик.

Хун Сюин погрузилась в эту простую радость от повседневных трудов.

Вдруг ее острый слух уловил какое-то движение: из-за поленницы свежесрубленных дров у самой стены донесся едва слышный шорох.

Она замерла, прислушиваясь.

Звук повторился, перемежаясь едва уловимым, почти неразличимым повизгиванием, похожим на жалобный скулеж маленького зверя.

В сердце ее что-то дрогнуло. Оставив метлу и ступая бесшумно, она осторожно направилась к поленнице.

Обойдя аккуратно сложенные дрова, в теновом углу она заметила нечто белоснежное.

Это оказался крошечный лисенок с шерсткой белой как снег!

Его шубка была пышной и мягкой, словно лучшая парчовая ткань, вот только сейчас она испачкалась в пыли и травинках, отчего зверек выглядел несколько потрепанным.

Малыш сжался в комочек, слегка дрожа, а в его влажных черных глазах застыли боль и испуг.

Одна из его задних лапок неестественно согнулась, а на белой шерстке запеклась темно-красная кровь.

Заметив приближение Хун Сюин, зверек настороженно попытался отпрянуть назад, но потревожил рану и издал еще более жалобный и жалостливый скулящий звук — тоненький и слабый, от которого у любого сжалось бы сердце.

Хун Сюин с детства отличалась добрым нравом, и ее душа мгновенно переполнилась жалостью.

— Не бойся, не бойся... — она присела на корточки, заговорив очень мягко и медленно, страшась спугнуть его еще сильнее. — Малыш, как же ты так сильно поранился? Упал или тебя кто-то укусил?

Лисенок почувствовал исходящие от нее мягкие и чистые волны.

Вместе с ласковым детским голоском, с которым она к нему обращалась.

Он тихонько заскулил, опустив маленькую головку, и вид у него был донельзя несчастный.

Хун Сюин осмотрела рану на его лапке.

Она поднялась на ноги и мягко произнесла:

— Ты посиди здесь, никуда не уходи, я схожу за кое-чем, чтобы помочь тебе.

Быстро шагнув в дом, она принесла чистый кусок старой хлопчатобумажной ткани, а из кухни захватила небольшую пиалу с чистой водой.

Вернувшись к поленице, она увидела, что лисенок действительно послушно остался на прежнем месте, лишь широко раскрытыми круглыми глазами следил за ней.

Хун Сюин осторожно поставила перед ним пиалу с водой. Лисенок настороженно понюхал ее, а затем, видимо, мучимый сильной жаждой, принялся осторожно лакать.

Пока он отвлекся на питье, Хун Сюин с предельней нежностью смочила хлопчатобумажную тряпицу в чистой воде и бережно принялась стирать грязь вокруг раны.

Движения ее были очень легкими.

Сначала лисенок испуганно сжался, но убегая не стал, лишь изредка выпуская из горла жалобное урчание. Глава 24: Живой Будда Цзигун, беременный юноша (4)

С того дня, как Хун Сюин спасла его, этот лисенок вполне закономерно поселился в маленьком дворике и даже перебрался в дом, получив в уголке у кровати Хун Сюин местечко с подстилкой

из мягкой ткани.

Свернувшись калачиком в своем уютном гнездышке, зверек неторопливо вылизывал ставшую еще более гладкой и шелковистой шерстку на передних лапах.

Его лисьи глаза были наполовину прикрыты, вид казался умиротворенным, но в мыслях он яростно чертыхался:

— Этот проклятый плешивый монах до мозга костей! Испортил мне все дело!

Стоило только вспомнить тот день, когда он с таким трудом отыскал переродившегося Благодетеля, о котором грезил втайне — Чэнь Ляна.

Какой пригожий юноша, и стоило им лишь вкусить взаимной страсти, пожить в согласии самую малость...

Как этот сунувший нос не в свое дело безумный монах Цзидянь всё разрушил! Мало того, что он грубо разлучил их, так еще и дерзнул отнять его с таким трудом возвращенную внутреннюю пилюлю!

Из-за этого он лишился человеческого облика да еще и неудачно упал, повредив лапу!

— Проклятый монах! Не отомщу за эту обиду — не бывать мне лисой! — разозлившись, он снова свирепо лизнул свой пушистый хвост.

Линь Шуан никак не ожидала, что стоило ей на мгновение отвлечься, как в доме завелась лисица.

Она осторожно прощупала ауру белого лисенка.

Хм, духовная энергия оказалась чистой и незамутненной, неся в себе горную чистоту, без малейшей примеси кровожадности или злой воли. Похоже, это не какая-то злодейка, промышляющая бессмысленными убийствами и темными путями.

Раз уж та не замышляет вреда Хун Сюин, присутствие маленького пушистого создания в компании матушки даже неплохо.

В этот момент из кухни поплыл густой и манящий аромат сдобы, смешанный с жареным луком, имбирем и тем особым мясным духом, который пробуждается под воздействием раскаленного масла.

— У-у... — горлышко лисенка издало предательский звук.

Он резко вскинул голову, его нос отчаянно зашевелился, а лисьи глаза, еще мгновение назад пылавшие обидой, мгновенно засияли, и слюна едва не потекла по подбородку.

— Умру же от этого аромата!

Зверек изо всех сил карабкался из своего гнездышка и на трех лапках поспешил к кухонной двери. Его пушистый хвост тревожно метался из стороны в сторону, а сам он преданно устоялся на занятую стряпней спину Хун Сюин.

С тех пор как он поселился в этом дворе, лисенок понял, что помимо самосовершенствования, возвращения долга благодетелю и сведения счетов с тем вонючим монахом, в его лисьей жизни неожиданно появилась еще одна важнейшая забота, которой он ждал каждый день с замиранием сердца — это трехразовое питание!

Свой день он планировал почти исключительно на основе биологических инстинктов и непреодолимой тяги к ароматам еды.

Утром, когда вместе с запахом рисовой каши поднимались первые струйки дыма из очага.

Он пунктуально усаживался у порога кухни, и его пушистый хвост, словно белоснежная метелка для пыли, произвольно елозил из стороны в сторону по земле.

И все его взгляды были устремлены на разваривающуюся в котле и пускающую пузыри мягкую рисовую кашу.

Особенно когда Хун Сюин изредка баловала его отдельным глазированным яйцом без специй — этот вкус... он вылизывал миску до зеркального блеска.

В полдень запахи обычно становились самыми насыщенными и сложными.

То овощи обжаривались до изумрудно-зеленого цвета с ломтиками блестящего вяленого мяса; то тофу тушилось до тех пор, пока полностью не впитывало подливку — дрожащее, горячее.

А когда у Хун Сюин было хорошее настроение, она пекла луковые лепешки, и этот аромат теста, смешанный с запахом зеленого лука, разливался по всему двору. Лисенок так торопился, что кругами бегал вокруг печи, вертя хвостом как ветряной мельницей, едва не норовя запрыгнуть прямо на плиту.

Вечером еда обычно бывала проще, но, видимо, из-за того, что зверек нагуливал аппетит за весь день, даже простая жареная зелень или рис, залитый остатками рыбного бульона,

приводили его в полный восторг. Покончив с трапезой, он растягивался в собственном мягком ложе, с удовольствием вылизывая лапы и приводя в порядок испачканный бульоном пух на груди.

Он даже без всяких подсказок обучился искусству умиления.

Издавая тоненькое «ин-ин», он вскидывал вверх свою мохнатую мордашку и смотрел на Хун Сюин огромными, влажными, словно умеющими говорить глазами, полными надежды, а хвост за спиной мелко-мелко трясся с невероятной частотой, едва не размываясь в воздухе!

Хун Сюин находила этого прожорливого и донельзя смышленного зверька одновременно забавным и милым, а потому неизменно подкладывала ему порцию побольше.

Так, в режиме «поел — поспи, поспи — поел», подремывая на солнышке, вылизывая шерстку и наслаждаясь безмятежной заботой доброй женщины, пролетела целая неделя.

Рана на лапке лисенка зажила почти полностью, шерстка заблестела пуще прежнего, и сам он заметно округлился.

Прищурившись, он грелся на подоконнике в лучах полуденного солнца и как раз размышлял о том, что вкусного Хун Сюин приготовит на ужин, как вдруг его чуткие острые уши уловили знакомый тонкий ветерок, наполненный диким запахом звериной вони и беспокойной демонической энергии.

Он резко вскинул голову и увидел приземлившуюся неподалеку черную фигуру — это был его старший соученик, демон-черный волк Хэй Фэн!

— Младшая сестра Бай Лин! Наконец-то я нашел тебя! — голос Хэй Фэна гремел громко и нетерпеливо. — Поранилась и не знаешь дороги домой, сбежала к смертным! Как твоя рана?

Лисенок легко спрыгнул с подоконника и в несколько прыжков оказался снаружи.

— Старший брат, со мной все в порядке. Меня спасла хозяйка этого дома. — Бай Лин бросила прощальный взгляд на выпускающую дымок кухню, и в ее глазах мелькнуло сожаление.

Убедившись, что с ней все хорошо, Хэй Фэн велел ей немедленно возвращаться вместе с ним, чтобы найти Цзигуна и вернуть внутреннюю пилюлю.

Лисенок еще раз оглянулся на дом и шумно втянул носом воздух.

Затем резким движением он обратился в белую вспышку света и, слившись с вихрем черного ветра, поднятого Хэй Фэном, быстро скрылся за пределами деревни.

Благодетель, я еще вернусь.

В кухне Хун Сюин как раз вынимала из котла разварившееся мясо. Глядя в окно, она заметила лишь покачивающуюся бамбуковую тень, но привычного пушистого белого силуэта, вечно ждавшего у миски, больше не было видно.

Она легко вздохнула.

— Этот малыш... рана зажила, вот он и вернулся туда, где ему положено быть...

Розы и китайские розы на заборе распускались одна за другой; после буйного цветения лепестки беззвучно опадали, растворяясь в почве, и на ветвях оставалась лишь сплошная зелень листвы.

Хун Сюин с бамбуковой корзиной в руках неспешно возвращалась из леса на окраине деревни.

В корзине лежали только что собранные крупные красно-коричневые каштаны — она собиралась сварить ароматную курицу с каштанами.

Придерживая высоко выступавший живот, она ступала уверенно, а ее лицо озарял мягкий свет грядущего материнства.

Как ни странно, в последние месяцы, несмотря на исчезновение тоймышленной лисицы, в доме вовсе не стало одиноко.

В ограду то и дело забредали заблудившиеся мелкие животные.

То раненая в крыло птичка, то ничего не смыслящий ежик, и она неизменно выносила им воды и зерна.

Еще удивительнее было то, что у ворот с завидной регулярностью то и дело «находились» то одурманенные фазаны, врезавшиеся в косяк двери, то жирные кролики, случайно угодившие в угол забора, что позволяло ей изрядно экономить на мясе.

Она списывала все на удачу либо на особую связь со здешними духами гор, даже не подозревая, что это исходило от ауры доброжелательности, несознательно источаемой ее неродившимся божественным младенцем, да и само маленькое лисье создание, порабощенное их лисьей бабушкой-тетушкой, втайне продолжало помогать ей с пропитанием.

Осенний ветер крепчал, принося с собой прохладу.

Хун Сюин плотнее запахнула легкий воротник, соображая, что пора бы сходить в город за плотной хлопчатобумажной тканью, чтобы сшить зимнюю одежду и постельное белье.

Благодаря заботе односельчан, незадолго до этого в монастыре Линъинь собирали пожертвования на возведение Зала Великого Сострадания, и им требовался кто-то для учета древесины, рабочей платы и прочих расходов. Заметив ее ясный ум, а также быстроту и точность в расчетах, эту работу поручили именно ей.

Денег в кошельке стало значительно больше.

Пообедав, она села на деревенскую телегу, отправлявшуюся к уездному городу.

Во-первых, нужно было закупить вещи на зиму, а во-вторых, срок родов приближался, и на сердце все же было тревожно — хотелось нанять повитуху, обрести душевное спокойствие и, если удастся, договориться обо всем заранее.

Однако, когда она отыскала дом повитухи — бабки Чэнь, на дверях висел замок.

Расспросив соседей, она узнала новость, от которой сердце у нее ушло в пятки.

Бабка Чэнь, как и несколько других известных в уезде лекарей и повитух, еще два дня назад были «приглашены» людьми из резиденции великого наставника.

Поговаривали, что у избалованного молодого господина из резиденции Тайши приключился какой-то странный недуг с диковинными симптомами, и обитательницы женской половины сильно тревожились.

Поэтому они созвали всех знающих лекарей и повитух в резиденцию на случай непредвиденных обстоятельств, и тех до сих пор не отпустили домой.

Что за странная болезнь такая, раз для ее лечения потребовалось звать еще и повитух?

Неужели... Глава 25: Живой Будда Цзигун, беременный юноша (5)

— Убирайтесь! Все вон отсюда!

— Чушь собачья! Я мужчина, как я могу... как я могу быть беременным?!

— Чудовищная нелепость!

Цинь Хуань выглядел безумным: его глаза налились кровью, он безумно колотил себя по уже

заметно выпирающему животу с поразительными округлыми очертаниями.

Словно пытаясь болью доказать, что это всего лишь проклятое вздутие,

— Это неправда! Неправда!

Мягкое постельное белье было измято, балдахины разорваны, весь пол завален обломками.

Госпожа Цинь рыдала так, что едва не лишилась чувств, и две служанки с трудом поддерживали ее, позволяя хоть как-то держаться на ногах.

Глядя на сына, она разрывалась от боли:

— Сынок мой! Мой несчастный сынок! Перестань, умоляю, береги себя!

Лицо Тайши было чернее тучи. Заложив руки за спину, он стоял посреди комнаты, источая пугающее удушливое давление.

Его острый, как у ястреба, взгляд скользнул по выстроившимся на коленях дрожащим лекарям, а голос прозвучал леденяще:

— Говорите, что здесь происходит.

— Если диалог окажется ошибочным или хоть полслова об этом дне просочится наружу, ни вы, ни ваши семьи больше не увидите завтрашнего рассвета.

В его груди бушевала буря, и он отлично понимал последствия огласки подобного.

Он, Цинь Хуэй, великий наставник династии, и вдруг его собственный сын носит во чреве ребенка!

Это скандал, которого хватит, чтобы его самого смыло в грязь, а весь род Цинь стал всеобщим посмешищем!

Но... но если это действительно...

А этот ублюдок — его единственный сын.

В его-то преклонных годах неужели придется жениться заново и растить наследника с пеленок?

Это же все равно что жариться на медленном огне!

Стоявший на коленях в самомпереді лекарь чувствовал, как холодный пот насквозь пропитал его одежду на спине.

Он тяжело ударил лбом о пол, дрожащим голосом произнес:

— Т-тайши-даже, умоляю, рассудите милостиво.

То не слова лишь одного меня: все присутствующие сегодня почтенные лекари уезда, все повитухи в один голос... их пульс указывает... на один и тот же результат.

У вашего благородного сына... поистине наступила беременность... уже на исходе четвертого-пятого месяца!

Этот пульс беременности не обманет!

Другой седовласый пожилой лекарь тоже дрожащим голосом добавил:

— К тому же... старик некогда вычитал в кое-каких малоизвестных заметках, будто за морем в восточной стране варваров есть место под названием Оглан, где легенда гласит о ключе по имени «Источник сыновей и матерей», испив из которого, мужчины... тоже могут зачать... Быть может... быть может, молодой господин неосторожно...

— Неосторожно?!

Тайши Цинь резко оборвал его, задрожав от ярости:

— Неужели мой сын сам пошел бы пить эту чертову чудную воду?

И в тот момент, когда обстановка накалилась до предела и каждый решил, что гибель неизбежна,

Из толпы вышел знаменитый лекарь Ли Хуайчунь, глубоко вздохнув.

Преодолевая колоссальное давление, он шагнул вперед,

Сложив руки в поклоне, произнес:

— Умоляю Тайши-даже гневаться меньше! Подобное происшествие и впрямь невероятно, его

не одолеть обычными лекарствами. По моему скромному разумению, заурядное врачевание здесь бессильно исправить столь диковинный недуг.

Доводилось слышать, что святой монах Дацзи из монастыря Линъинь — великий праведник с безграничной мудростью Будды. Несколько дней назад, когда полыхал пожар в Зале Великого Сострадания, именно он явил божественную силу, достав бревна из древнего колодца, что доказывает его великое мастерство в заклинаниях.

Быть может... если позвать его, найдется способ разрешить напасть?

Мрачный взгляд Тайши Циня беспокойно метался.

Монах Линъинь, Дацзи... Тот самый на вид безумный, но раз за разом являющий чудеса монах?

В текущий момент это казалось единственным выходом.

Каким бы способом тот монах ни воспользовался, лишь бы тихо и незаметно избавиться от этого «порождения» во чреве сына,

И сберечь лицо рода Цинь...

Он резко взмахнул рукавом и сурово отдал приказ:

— Подать паланкин! Немедленно отправляйтесь в монастырь Линъинь и попотчуйте монаха Дацзи пожаловать в резиденцию! Запомните, проявите должное почтение!

После того как Хун Сюин вернулась домой, та доля беспокойства, что родилась из-за невозможности найти повитуху, перестала быть ее личной заботой.

<http://bllate.org/book/21973/2282998>